

Линь Гофэн вспомнил слова своего второго учителя о том, что знаменитая шаолинская техника схватывания «Дациньна» без поддержки глубокой и искусной внутренней энергии — пустая трата времени, на нее можно лишь смотреть, но толку от нее чуть.

Попробовав применить ее сегодня, он убедился, что так оно и есть. Неудивительно, что в школе Шаолинь лишь немногие боевые монахи изучают это боевое искусство. Впрочем, наставления Мастера Майтрея принесли Линь Гофэну огромную пользу: если бы эти глубокие и сокровенные тайны не были ему растолкованы, на их постижение наверняка ушло бы немало времени. А иные тонкости боевых искусств без должного объяснения потребовали бы еще больше усилий или даже остались бы неразгаданными до конца дней.

На самом деле Мастер Майтрея проникся искренней симпатией к этому вежливому, умному и жадному до знаний юноше, а потому и старался изо всех сил.

Пока Линь Гофэн погрузился в раздумья, Мастер Майтрея произнес:

— Повторение — мать учения, а в постижении боевых искусств главное — упорство и постоянство.

Линь Гофэн кивнул:

— Мастер говорит сущую правду, это золотое правило для каждого практикующего боевые искусства.

Мастер Майтрея, сложив ладонь в приветственном жесте, возразил:

— Не стоит превозносить мои слова столь высоко. Если взглянуть на нынешних обитателей мира цзянху, большинство бродяг и мастеров отдают предпочтение легким движениям и прыжкам лишь потому, что это удобно для передвижения и помогает быстрее уйти от опасности. Это дурная привычка; лишь одновременное совершенствование тела и внутренней энергии способно стать прочным фундаментом на века.

Линь Гофэн покачал головой и со вздохом произнес:

— Какая жалость...

Настоятель Дэхай в недоумении спросил:

— Благодетель Линь, о чем вы сожалеете?

Линь Гофэн вздохнул:

— Боюсь, в этой жизни мне не суждено воочию увидеть легендарное шаолиньское искусство «Ицзиньцзин», оттого у меня и вырвался этот вздох.

Настоятель Дэхай погладил бороду и с улыбкой ответил:

— «Ицзиньцзин» — это сокровище, охраняющее покой Шаолиня на горе Суншань, глубочайший трактат по совершенствованию внутренней энергии. Он обладает способностью раскупоривать акупунктурные точки, выводить токсины, укреплять здоровье и восстанавливать меридианы. Долгое упражнение по этому канону способно значительно приумножить собственные внутренние силы. Каждый в этом мире мечтает взглянуть на него хоть одним глазом, но в монастыре Шаолинь на горе Суншань его передают из поколения в поколение исключительно настоятелям. Что уж говорить о благодетеле Лине, если даже этот старый монах не имеет счастья лицезреть его воочию.

Услышав это, Линь Гофэн невольно помрачнел: старый монах говорил чистую правду.

Почувствовав, что оба собеседника не питают к нему дурных намерений, Линь Гофэн все же испытывал некоторую тревогу: в конце концов, этот распутный монах и прекрасная Лю Ифэй еще совсем недавно были врагами, и такое внезапное изменение их отношения казалось непостижимым.

— Не позволите ли мне продемонстрировать вам парочку комплексов меча?

Линь Гофэн никогда не любил оставаться у кого-то в долгу. Раз уж Мастер Майтрея обучил его боевому искусству, как он мог не отплатить тем же и не показать свое мастерство? Конечно, сумеет ли Мастер уловить суть с одного раза — это уже совсем другой разговор.

Оба отступили назад. Линь Гофэн прижал меч к груди, обхватив рукоять руками, и объявил:

— Исходная стойка стиля «Разящих клинков»: направляем ци в даньтянь, сердце следует за мечом, шаг вперед для атаки, шаг назад для защиты... Взмах, укол, срез... Недвижен, как испуганный кролик, стремителен, как сокол в полете...

Линь Гофэн то взмывал ввысь, то совершал сальто в воздухе, его длинный меч крутился так быстро, что вокруг не оставалось ни единой бреши. Куда бы ни направлялась ци клинка, она леденила кожу и заставляла сердце трепетать. То тут, то там вспыхивали и исчезали призрачные цветы меча: они взмывали вверх и падали вниз, метались влево и вправо; то сливались в обманные выпады, то разили с яростью свирепого шквала, молнии или громового удара. Направления их движения менялись ежесекундно: то на восток, то на запад, то на юг, то на север, вверх и вниз... от этого зрелища рябило в глазах.

Внезапно Линь Гофэн выкрикнул:

— Раскол небес и земли!

Собеседники увидели, как он взмыл в воздух, взметнув тучи цветочных лепестков-вспышек от меча, и, перевернувшись в полете, обрушил удар клинка на стоявшую вдали декоративную садовую глыбу. Раздался грохот, и камень разлетелся в пыль, разлетевшись в разные стороны крошечными осколками.

Линь Гофэн то взмывал ввысь, то совершал сальто в воздухе, его длинный меч крутился так быстро, что вокруг не оставалось ни единой бреши. Куда бы ни направлялась ци клинка, она леденила кожу и заставляла сердце трепетать. То тут, то там вспыхивали и исчезали призрачные цветы меча: они взмывали вверх и падали вниз, метались влево и вправо; то сливались в обманные выпады, то разили с яростью свирепого шквала, молнии или громового удара. Направления их движения менялись каждую секунду: то на восток, то на запад, то на юг, то на север, вверх и вниз... от этого зрелища рябило в глазах.

Приземлившись, Линь Гофэн произнес:

— Убрать меч.

С этими словами он крутанул запястье, и клинок замер за его спиной, обозначая окончание приема.

Едва танец меча завершился, Мастер Майтрея и Цзинь Яньцзы дружно зааплодировали.

— С тех пор как я начал постигать боевые искусства, старый монах никогда еще не испытывал столь бурного восторга! Благодетель Линь показал себя с такой невероятной силой, что теперь я могу считать свою жизнь прожитой не зря! Ха-ха-ха-ха!

Смеясь, говорил Мастер Майтрея, а Цзинь Яньцзы молча улыбалась рядом, однако ее глаза излучали искреннее восхищение.

Линь Гофэн на мгновение замер, а затем отвесил глубокий поклон:

— Благодарю Мастера за наставления! Прежде у меня было немало знаний, глубину которых я не постиг до конца. Сегодня Мастер обучил меня технике ударов ладонями, и хотя я не овладел ею полностью, но прочувствовал все изнутри и понял многое из того, что раньше хотел, но не мог постичь. Прошу Мастера принять мой поклон!

Трое путников двинулись в путь вместе, миновали цветочные заросли и направились на восток, где Линь Гофэн смутно надеялся встретить двух других своих учителей — Лю Яня Лю Дунбиня и Лань Цайхэ.

Три дня спустя. Город Лунчэн.

Вспыхнул отблеск меча, разрезая легкую дымку горных вершин. Линь Гофэн и Мастер Майтрея стремительно отбили выпады клинков, в то время как Цзинь Яньцзы оставалась в полной безопасности — острия не были направлены против нее.

Спустя несколько обменов ударами меча замерли, а бойцы застыли на месте, вглядываясь вперед. Разница была лишь в том, что глаза Линь Гофэна сияли от восторга, тогда как лицо Мастера Майтрея выражало глубочайшее потрясение.

Хотя было сделано всего несколько выпадов, скрытые за ними последующие движения таили в себе бесконечные изменения. В танце меча важнейшей вещью является внутреннее состояние и образ. Если не достигнут нужный настрой — все усилия бессмысленны, и человек навсегда останется далек от ступени истинных мастеров.

— Ха-ха-ха-ха, Преподобный Будда Майтрея, здравствуй!

Обладатель этого голоса обладал золотым складом костей и телом, исполненным бессмертного изящества. У него была журавлиная макушка и череп пресмыкающегося, торс тигра и щеки дракона. Брови цвета зелени исходили слоями, а глаза феникса взмывали к вискам. Шея выдавалась вперед, скулы обнажались, лоб был широким, а стан округлым. Переносица — высокой и прямой, у левого угла брови чернела родинка, и еще одна — под левым глазом. На голове красовалась шапка со звездами, на плечах — даосские одежды, а грудь украшала роскошная черная блестящая борода. Лицо его сияло, подобно яшме, глаза сверкали, как яркие звезды, губы казались покрытыми киноварью, а зубы напоминали жемчуг и раковины каури. По красоте он превосходил самого Пань Аня, а по изысканности не уступал Сунь Юю. Кто же это был, если не Лю Дунбинь?!

Раздались звуки флейты — то утонченные и возвышенные, то безудержно-стремительные, то безмятежно-умиротворяющие, то суровые и решительные, полные убийственной воли. У городских ворот Лунчэна изящный благородный муж играл на флейте на ветру, источая глубочайшую атмосферу неземного спокойствия. И пусть в нем не было лихой удали Лю Дунбиня, он выглядел подлинным драконом и фениксом среди небожителей.

— Намо Амиабха! Бессмертный Лю излишне вежлив. Ничтожный монах — всего лишь скромный странник на пути совершенствования, откуда мне до звания преподобного Будды?!

Мастер Майтрея отвесил глубокий поклон.

— Не ожидал, что здесь появятся сразу двое из Восьми Бессмертных — Лю Дунбинь и Лань Цайхэ! Похоже, теперь у нас есть целых семь шансов из десяти на то, чтобы разрушить печать!

— Верно.

Лань Цайхэ легко опустился на землю, заложив флейту за спину, слегка склонил голову и отдал даосский поклон:

— Приветствую Преподобного Будду Майтрея.

Лишь в этот момент в душе Линь Гофэна всё перевернулось вверх дном! Что это за люди?! Его прежние два учителя: один — Лю Янь Лю Дунбинь из Восьми Бессмертных, другой — нежный Лань Цайхэ из Восьми Бессмертных, оба обладают обликом бессмертных и передали ему свое боевое искусство. А его нынешний полуучитель, старый монах, чье имя Майтрея он поначалу даже не принимал всерьез, теперь, после слов двух наставников, оказался никем иной, как пресловутым Смеющимся Буддой Майтреей!

При этой мысли Линь Гофэн перевел взгляд на Цзинь Яньцзы — Лю Ифэй — и принялся с ног до головы внимательно ее разглядывать.

Лю Ифэй лукаво улыбнулась уголками рта и покачала головой, давая понять: я вовсе не бессмертная богиня.

Линь Гофэн истолковал ее жест по-своему, широко распахнув глаза: надо же, в глазах Цзинь Яньцзы эти небожители — сушая мелочь?! Кем же тогда приходится сама Цзинь Яньцзы?!

Заметив перемену на лице Линь Гофэна, Цзинь Яньцзы не удержалась и звонко хихикнула:

— Хи-хи, — поняв, что он всё понял совершенно не так.

Линь Гофэн невольно остолбенел, уставившись на ее мерно вздымавшиеся и опускавшиеся пышные формы. Уж он-то, сполна познавший их прелесть, почувствовал, как сердце забилося с нарастающей частотой, а внизу живота уже надулся небольшой шатер.

Какая же до чертиков позорная ситуация!

Мысленно выругавшись, Линь Гофэн украдкой глянул по сторонам и обнаружил, что, не считая покрасневшей Цзинь Яньцзы, остальные великие божества оживленно беседуют между собой и никто из них не обращает на него внимания. Корчив Цзинь Яньцзы уморительные гримасы, он поспешно отвернул голову.

Великие божества — раз уж они стали богами, как могли они не заметить происходящих вокруг изменений? Разве стали бы они зваться небожителями в противном случае? Однако самообладание у каждого из них было безупречным, и они попросту не стали выказывать своего отношения столь открыто, как Цзинь Яньцзы, хотя в душе, надо полагать, уже давным-давно отчитывали Линь Гофэна на все лады! И надо же было взять такого ученика... позорище!

Вдоволь наговорившись, великие божества вместе с Линь Гофэном, Цзинь Яньцзы и Безумцем Таном ступили на дорогу, ведущую к горе Учжишань — в обитель Богов Войны Юйцзяна.

Западный край!

Под палящим солнцем в бескрайней пустыне отряд Линь Гофэна шел уже седьмые сутки. Запасы питьевой воды подошли к концу, сухой паек еще оставался, но и его едва ли хватило бы надолго.

Великая пустыня раскинулась необозримым пространством холмов и барханов, на фоне которых человек мгновенно казался песчинкой. Бескрайние пески походили на желтое море, под лучами солнца сверкавшее мириадами искр. Под испепеляющим зноем над барханами поднимались марева горячих волн, от которых перехватывало дыхание даже при вдохе.

Внезапно налетевший пустынный шторм взметнул тучи песчинок, погрузив мир во тьму — казалось, это царство песков не оставляет путникам ни единого клочка земли для опоры. Ровная гладь пустыни простиралась до самого горизонта, где в месте слияния земли и неба зубчатыми грядками громоздились барханы. Из-за игры солнечного света и облачных теней этот бескрайний океан песков то и дело превращался в безмятежную гладь лазурного моря.

Круглый диск закатного солнца прижался к песчаному гребню, окрасив землю в мрачноватые, глубокие багровые тона. Застывшие волны пустыни, подпирающие заходящее солнце, казались заснувшим морем. Безжалостное палящее солнце, словно извергающее огонь пламя, ничем не прикрытое, обрушивало жар на землю, и обширные пески раскалились подобно пароварке, источая удушливую духоту.

Песчаные волны накатывали вперед одна за другой, словно невидимая гигантская рука сдирала с пустыни слой за слоем. Бескрайняя пустыня, мертвое песчаное море, монументальные и безмолвные, с хмурым выражением лица неизменно являли глазу лишь один-единственный цвет: желтый, желтый, вечно обжигающе-желтый.

Казалось, сама природа в единый миг заморозила здесь бушующие валы и вздымающиеся к небесам гребни шторма, заставив их застыть навечно. Вся пустыня погрузилась в зарево вечерней зари, и краски стали невероятно мягкими. Оранжево-красный свет растворился в клубящейся дымке, и то тут, то там среди сияния заката то появлялись, то исчезали миражи пустынных оазисов.

Караваны возвращавшихся с кочевья верблюдов неожиданно возникали на фоне изящных линий барханов; сквозь марево смутно угадывались крупные бубенцы под их шеями, а высокие горбы и массивные тела были укутаны в вуаль закатного света. Выстроившись длинной цепочкой, они неторопливо и уверенно шагали вперед.

Лошади пали еще на четвертый день пути, оказавшись погребенными под желтыми песками, так что путникам пришлось пересесть на верблюдов.

Постепенно край бескрайней пустыни вдаль окрасился в багрянец. Цзинь Яньцзы с восторгом наблюдала за этим удивительным зрелищем и радостно хлопнула Линь Гофэна по плечу:

— Смотри! Как же там красиво! Я впервые вижу красный песок!

Ее голос звучал чисто и звонко, словно пересвист лесной птички.

<http://bllate.org/book/21109/2142454>